

Сегодня и Хиль покажется классикой

Певица и актриса, художественный руководитель Театра музыки и поэзии Елена Камбурова сразу взяла разговор в свои руки. Известия - 2001. - 10 июля. - С. 10

— О-о, буду надеяться, что это звонок не лично мне. Скорее в моем лице тому зрителю, который ищет и не находит дорогу к почти неслышной песне.

— Такое впечатление, что вы ушли в глухую оппозицию.

— Давняя история. Раньше цензура стеной стояла между мной и зрителем, обвиняя меня в «упадничестве». Сегодня у стены другая фактура — коммерческая. Эта цензура еще жестче.

— Вас запрещают?

— Зачем? Достаточно тотального давления поп-индустрии в ее американизированном варианте. Это нашествие принимает уродливые черты. Везде поп знает свое место. У нас он хлещет отовсюду и на полную мощность. Я боюсь телевизор включать. Знаете, в годы моей юности мы смеялись над советской эстрадой Хилья или Кобзона. А теперь они классики в сравнении с тем набором слов, что звучат по принципу: «Вперед, к языку Элочки-людоедки!». Ясно, я не могу и не хочу вписываться в эту индустрию.

— Вас не принимает поп...

— И слава богу.

— Вас своей не считают бардами...

— Это верно.

— ...Тогда как вы определяете жанр, в котором работаете?

— Владимир Дашкевич, один из моих любимых музыкантов, точно его определил — третье направление, или русский шансон. Это хорошая музыка; не слова, а поэзия; вокальные и актерские данные исполнителя, что позволяет увидеть еще и драматическое пространство песни. Все вместе составляет партитуру песни. Правда, с появлением радио «Шансон»... Там много всего, что и рядом не может стоять с традициями Вертинского, Высоцкого, Окуджавы.

— Слишком «бардово»?

— Слишком без музыки. Я хорошо отношусь к бардам.

ВИКТОР АХЛОМОВ

Они меня приглашают на Грушинский фестиваль. Я дважды ездила. Но с годами изменилась система его координат. Увеличилось количество людей, которые не знают, куда приезжают, но знают, зачем — «оттянуться!» Это не атмосфера шансона. Он, развлекая, еще оставляет место для мысли. На Грушинском фестивале такого места не видно.

— Тогда где для себя вы находите хотя бы угол?

— Их много. Из любимых — Киев, Питер, особенно — Новосибирск. Я туда шестнадцать лет езжу на гастроли. Иногда несколько раз в год. И всегда, это не образ, — полные залы. Да и в Москве то же самое. Просто места, в смысле помещения, не было. Вот осенью открываем наконец Театр музыки и поэзии. Я знаю, людям нужна исповедальность и чувственность.

— Тогда почему не поете знаменитую «Гренаду»?

— Она несправедливо считалась комсомольским хитом. А ведь удивительно поэтична, театральна... Восстановлю.

Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО